

вар», но, согласно логике рассказа Прокопия, даже византийские послы не распознали, что «варвар» Хилбуд — не имперский полководец.

Все эти и иные несоответствия в рассказе Прокопия находят, по нашему мнению, вполне логичное объяснение лишь при признании того факта, что всем участникам рассматриваемых событий было отлично известно о «варварском» происхождении стратига Фракии Хилбуда.

Мы представляем себе ход событий следующим образом. Убившие стратига Хилбуда в своей земле склавины прекрасно знали его, вплоть до его характерных манер и особенностей поведения (именно во время пребывания в плену у склавинов молодой ант не только изучил латинский воинский жаргон, общаясь с ромейскими пленниками¹⁵, но и личные привычки своего тезки). Поэтому склавином и в голову не могло прийти путать этих двух лиц. Сделать это могли прежде всего византийцы, в боях с которыми, т. е. на имперской территории, юный ант и добыл себе воинскую славу, которая разнеслась в первую очередь среди ромеев, чему способствовало совпадение имен: досужая молва превратила погибшего стратига в перебежчика к «варварам» — «пока Хилбуд был с ромеями, они одолевали славян, а теперь, когда он со славянами, стали терпеть поражения». Поверить в это было легко именно потому, что и стратиг был славянином по происхождению. Эту версию о стратиге Хилбуде плененный антами ромей знал еще до набега антов на империю и искренне верил в нее. Поэтому-то ни его, ни его господина не смутило — при самом близком и непосредственном знакомстве с выкупленным Хилбудом — его явно «варварское» (антское) происхождение. Не смутило, как видно, это обстоятельство впоследствии также и других антов и самих византийских послов (именно потому, подчеркиваем еще раз, что они знали об антском происхождении стратига Фракии). Поверить в то, что мнимый стратиг страшится признаться, кто он, можно было, по нашему мнению, также лишь по той причине, что он был антом и, отказавшись от власти своих соотечественников, боится испытать на себе их гнев, как изменник и предатель, возглавлявший ромеев в их вылазках на левый берег Дуная и беспощадно избивавший своих соплеменников. Такой образ мыслей, будь Хилбуд подлинным стратигом, как оказалось, не соответствовал истинным намерениям антов, но субъективно опасения пленника (и раба) представлялись бы вполне оправданными.

Обращает на себя внимание тот факт, что юный ант не нашел возможностей на родине убедительно доказать, что он соотечественник антов, их бывший соратник в битвах и теперь, в соответствии с законом, должен обрести свободу. Конечно, причиной этого была не только изоляция пленника в доме анта-господина. Следует, видимо, не упускать из вида свидетельство Прокопия о рассеянном характере поселений склавинов и антов, живущих вдали друг от друга на обширной территории¹⁶. По всей вероятности, выкупленный ант принадлежал не к тому племени или союзу племен антов, который располагался ближе к устью Дуная, а к более отдаленному. Контакты между разными антскими объединениями были, возможно, еще эпизодическими и устанавливались лишь на время совместных военных действий против общего врага (война со склавином, набег на земли империи). Этим и можно объяснить, на наш взгляд, то обстоятельство, что выкупленный и доставленный к антам Хилбуд не мог апеллировать ни к сородичам, ни к знавшим его соплеменникам.

Что касается пленного ромея, инициатора всей истории с самозванцем, то его расчет обрести свободу по завершении всего дела и вернуться на родину, как явствует из повествования, ни у кого не вызывал сомнения, как и у самого Прокопия: видимо, ромей был убежден, что его добрый господин,

¹⁵ Напомним, что и протоболгарин Мавр, никогда не бывавший в империи, знал греческий язык еще до того, как там оказался в 680-х годах. См.: Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Demetrius. I. Le Texte. P., 1979, p. 229. 18—22, 229.1—230.2.

¹⁶ *Procop. Caesar. Opera omnia*, v. II, p. 358.20—26.